

Самая большая трудность для того, кто пишет о Церетели, — не удивляться, не восторгаться, как выразился редактор, “не лизоблюдствовать”. Это задача. Потому что он очень много успел за свои годы. На днях ему исполнится 73. Это не 37. Но с утра до поздней ночи на ногах, в машине, мастерской, на литейном заводе, заседаниях, презентациях, юбилеях, за дружеским столом. При всем при том за один последний квартал 2006 года установил монументов больше, чем другие за долгую жизнь.

Зураба башни в небе стоят, Журавль в них вырастит журавлят.
Андрей Вознесенский

БАШНИ ЗУРАБА

Парад в честь Петра в Питере.

СЕРГЕЙ ШКУРАШВИЛИ

В сентябре в Нью-Йорке состоялось открытие “Слезы” в память погибших при атаке на небоскребы 11 сентября 2001 года. В октябре в Санкт-Петербурге на Васильевском острове спало покрывало со статуи Петра Первого. В ноябре на главной площади Тбилиси на месте памятника Ленину поднят обелиск с конной статуей Георгия Победоносца. В декабре в Бретани французы приняли Иоанна Павла II и назвали городскую площадь именем автора. В январе скорее всего будет за океаном, где представил на конкурс композицию в память о холокосте. Думаю, победит. Объяснить все происходящее дружбой с первыми лицами Москвы, как пишут, никак нельзя. Многого происходит вдали от России, в разных странах, где, казалось бы, не на кого опереться. Многого объясняется тем, что Церетели постоянно рисует. Это способ его существования. Альбом всегда под рукой, в пути, полете, офисе, кабинете академии, ресторане, на пресс-конференциях. Каждый день плотные листы альбома заполняются причудливыми образами. Холсты в мастерской за час-другой превращаются в натюрморты, цветы, портреты друзей и знакомых. Порой никому не известных лиц, порой знаменитых. Рисунки — первый шаг на пути к малой пластике, горельефу, статуе, обелиску. Эмалям, витражам, мозаикам. Они заполняют залы галереи на Пречистенке, по площади, равной Манежу, мастерскую на Пресне. А также площади и улицы городов, зарубежных, российских и грузинских. Сплетенные в узел титановые кольца “Дружбы” на Военно-Грузинской дороге взорвал враг России. Церетели удалось спасти от вандализма крест, нашедший прибежище в саду на Пресне. В Москве сплетенные буквы, русские и грузинские, с венком сохранились с тех пор, как отмечалось двухсотлетие Георгиевского трактата. Как бы ни острили по поводу монумента творца московского городского фольклора, на Тишинской площади недавно известный архитектор подобный венок водрузил на крыше нового высокого дома. В дни, когда самолеты не летают между Москвой и Тбилиси, Церетели рассказывает журналистам притчу: **“Жили-были супруги, муж и жена, любил друг друга, сделали крепкий очаг, много лет прожили и не стали понимать друг друга. Потом разобрались между собой, и снова у них начался бурный роман”.** У Зураба роман с Москвой и ее красавицами начался сорок лет назад. О подругах молодости в отличие от многих раскрепощенных творцов никому не рассказывает. Он им в нужде помогает. О России говорил не раз, как о любимой женщине. **“Образ России — широкая душа мужчин, длинноногие женщины и богатство по искусству”.** Сальвадор Дали назвал Зураба русским художником. Пикассо — грузинским художником. Образы Грузии заполняют залы и альбомы. В них тысячи лиц земляков. После сорока с лишним лет жизни на Твер-

**Церетели:
“Хочу рисовать!”**

ПЕРСОНА

Нью-Йорк
взят!

ском бульваре и Большой Грузинской, вручения в Кремле Золотой Звезды и медалей, грамоты народного художника России, ордена “За заслуги перед Отечеством” неожиданно для себя узнал из газет, что получил российское гражданство. — **Живя так долго в России, кем себя больше чувствуете, грузином или русским?** — Посмотри на мои буквы на Тишинской площади. Там все сказано. У меня на этот счет никогда не было комплексов. И вообще я мужчина! У высокого искусства нет национальности! Церетели, как прежде, выполняет проекты и для России, и для Грузии. Изваял бюсты всех русских князей из династии Рюриковичей, статуи Петра и российских императоров. Они в Москве, у дома на Пресне. Изваял всех грузинских царей, они на высокой горе у моря в Тбилиси. Там заканчивает в бронзе храм-памятник “История Грузии”. Для него отлил в Санкт-Петербурге последние горельефы. Но не может из-за возникших транзитных проблем перебросить к месту назначения. Мотив, исполненный четверть века назад на площади у Большой Грузинской улицы, где слободой осели спасшиеся от геноцида грузины во главе с царем, постоянно звучит в мастерской, ставшей фактически и юридически музеем. Она пополняется картинами практически каждый день. Во дворе размещаются изваяния, доставляемые с завода, где отливают статуи и композиции, порой вполне реалистические, порой вполне авангардные, в зависимости от образов, распирающих голову. Два досухих пера, состязаясь в остроумии, измышляли недавно, что сделал бы Микеланджело и что Церетели с попавшим в их руки камнем в одних и тех же обстоятельствах. Естественно, позлословили. Я спросил у Церетели по пути в Рязань на открытие персональной выставки, куда он ехал два с половиной часа, не выпуская руль. — **Вы когда-нибудь работали с камнем?** — Да. В Пицунде делал скульптуру. — **Какую именно?** — Не помню, парковую скульптуру. Забыл какую. Там много чего делал. Когда ехал по Боровскому шоссе в Обнинск, на открытие другой выставки, увидел за окном машины мозаики на автобусных остановках и вспомнил: — Мои мозаики, делал давно. Забыл про них. Вспомнил, когда попал в винные подвалы Молдавии, что и там мозаики — его. Так с годами поэты забывают строчки давно написанных стихов. — **Не устали от такого напряжения?** — Когда говорят: “Я устал”, — мне смешно. Когда говорят: “Настроения работать нет”, — не понимаю. Я широко шагаю по миру и искусству, поэтому мне завидуют. На недавнем вернисаже в Обнинске местный художник сострил в рифму: **“Был век Растрелли, теперь век Церетели”.** Его путь в искусстве не осыпан лепестками роз. Мода нападать на него до конца не прошла, хотя все больше людей понимают, что Петр на стрелке — это тот же случай, что Эйфелева башня в Париже. Там было возмущение Мопассана, Гуно, Гарнье обернулось всеобщим признанием. У нас Булат Окуджава, Акунин, Жванецкий высказывались, как они. Но автобусы с иностранными туристами едут на стрелку к башне Зураба.

Конечно, быть равнодушным трудно, когда в дни грузинской кампании и на него накинута чиновничья рать, обвиняя в **“нецелевом расходовании средств”.** Все они до последней копейки пошли на нужды Российской академии художеств, которую лет десять он подпирал плечами. Не радуется, когда в Думе призывают разобраться, каким образом делает **“дарение дорогостоящих скульптур городам России и зарубежных стран”**, такие, как памятники на Куликовом поле, во Пскове, Борисоглебске... Я видел на бланке Генеральной прокуратуры ответ Комитету по культуре Государственной думы, где сказано, что обращение депутатов рассмотрено, но по отношению к Церетели **“оснований для реагирования не имеется”.** Не знаю, что сказал бы Микеланджело, увидев Петра и Колумба. Но бывший террорист Сикейрос, чуть было не убивший в Мексике вождя русской революции, он же известный монументалист XX века, увидев объемные мозаики молодого Зураба, поразился. Уезжая из СССР, оставил такую записку: **“От своего имени и от имени монументалистов Мексики я поздравляю Зураба Церетели за художественные достоинства выполненных им работ”.** Монументалисты Мексики — это он, Альфаро Сикейрос, Диего Ривера, превратившие росписями утилитарные здания в достопримечательности. Они удивили мир фресками, которые сопоставляли с росписями эпохи Возрождения. Сикейрос сравнил мозаики Зураба с теми, что делал его друг Диего, но отметил, что у Церетели они добрее. Тогда дал ему “путевку в жизнь”: **“Я утверждаю, что он вошел в необъятные просторы искусства будущего, сочетающего скульптуру с живописью. Творчество Церетели вышло из национальных рамок, приобретает международное значение”.** Сикейрос работал в Чили, США, Аргентине, на Кубе. Чили заказало Церетели монумент Неруды. В США у него пять монументов, включая помянутую “Слезу”. В Аргентине — бюсты Льва Толстого и Юрия Гагарина. В Бразилии — мозаика, выполненная по просьбе Нимейера. Сикейрос расписывал клуб профсоюзов, Дворец изящных искусств, министерство, университетский городок. Церетели — стену Дворца культуры профсоюзов. В Генеральном штабе его картины из эмали. В Фундаментальной библиотеке — портреты основателей Московского университета. Перед входом — Иван Шувалов, памятник, который забыли открыть. Что разделяет Альфаро и Зураба, так это **“актуальное политическое звучание”**, за которое так любили мексиканские монументалисты советские искусствоведы. Девиз нашего художника — искусство для искусства. Никакой политики в “Старом Тифлисе”, “Цветах” и “Подсолнухах”, растущих на Пресне. Какая политика в образах Ветхого и Нового Завета? Бабушка не зря повесила майшут крест, который с тех пор Зураб не снимает. При ближайшем рассмотрении оказывается, начиная с Адама и Евы Церетели нарисовал и изваял основные сюжеты Библии, Христа, всех апостолов, христианских святых, все Праздники. — **Хотите проиллюстрировать Библию, как Доре?** — Нет. Горельефы большие отлил. В объеме сделаю. Первое “Крещение” выставил в модели. Хочу 64 такие большие композиции, начиная с Рождества, чтобы дети ви-

У портрета Шостаковича.

дели все, что написано в Библии. Каждый месяц седьмого числа полдня проводит в галерее с детьми, дает им мастер-класс. Этот класс посетил в минувшем году Владимир Путин. Ему он показал макет “Детского парка”. — Дети учатся у меня, я учусь у них. Другой художник с именем, прославившийся чудачествами и сюрреализмом, чуть было не поработал в одних стенах с Церетели. Была идея в эпоху разрядки двум художникам поручить расписать стены резиденции Организации Объединенных Наций, в знак сотрудничества Запада и Востока. В том тандеме Зураб олицетворял Восток, страны социализма во главе с Советским Союзом. Танки, вошедшие Афганистан, сорвали замысел. Но письмо Сальвадора Дали на имя генерального секретаря ООН осталось: **“Благодарю Вас за предложение сделать росписи ООН вместе с русским художником Зурабом Церетели. Это счастливое знакомство с грандиозным мастером, в котором соединяется талант художника и организатора. Это придает двойную энергию всем его произведениям и начинаниям”.** Дурачил мир Сальвадор Дали как никто другой, но в людях и талантах разбирался с первого знакомства. Он так назвал Церетели до того, как в Москве появились обелиск Победы и Петр. Разглядел за время нескольких встреч в кафе **“талант организатора”** до того, как появился Московский музей современного искусства, филиал музея в Ермолаевском переулке, галерея на Пречистенке с “Яблоком”, которым угощают иностранцев после посещения Третьяковской галереи. Подобное “Яблоко” с Адамом и Евой докатилось из Санкт-Петербурга, где его отливали, до проспекта Руставели. Там, в бывшем здании кадетского корпуса, открывается галерея, подобная московской. ...Полдня присидел Церетели за рулем на федеральной дороге. Вечером вернулся из Рязани во двор мастерской, довольный прожитым днем, и обрадовался: — Завтра буду работать! Хочу рисовать! **Лев КОЛОДНЫЙ.**